

Оразаев Г.М.-Р. Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. (Опыт историко-филологического исследования фонда «Кизлярский комендант»). – Махачкала, 2002. 482 с.

Первооткрыватель «северокавказского тюркí», автор порядка 170 научных публикаций, в том числе ряда книг, увидевших свет и у нас, в России, в центральной и местной печати, и за рубежом, старший научный сотрудник Центра востоковедения Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН Гасан Магомед-Расулович Оразаев пользуется заслуженным авторитетом как среди специалистов по тюркской филологии, в частности эпистолографии, так и историков Дагестана и Северного Кавказа. Он хорошо знаком читательской общественности республики, интересующейся историей и культурой родного края. И выход из печати его очередной книги «Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в.», рекомендованной к изданию еще в 1986 г. (ее ответственным и научным редакторами являются такие известные ученые, как член-корреспондент РАН тюрколог Э.Р. Тенишев и востоковед профессор А.Р.Шихсаидов), представляющей собой первый и исключительно плодотворный опыт комплексной характеристики тюркоязычной группы эпистолярного фонда (деловой переписки) «Кизлярский комендант» Центрального госархива Республики Дагестан, относящейся к XVIII в. и оформленной на «северокавказском тюркí», – еще одно свидетельство широкой историко-филологической эрудиции ее автора.

Неоценимо и собственно историческое, источниковедческое значение труда Г.М.-Р. Оразаева, ибо обнаруженные и соответственно включенные им в научный оборот новые материалы, несмотря на столь сравнительно позднюю со времени первоначальной их подготовки публикацию, не получили, за некоторым исключением, отражения в известном сборнике документов «Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.» (М., 1988). Опубликованные и проанализированные в данном труде 53 образца документов являются частью значительной коллекции эпистолярного наследия тюркоязычной деловой переписки Дагестана. По сведениям автора (С. 119–120), только в Центральном госархиве Республики Дагестан, Архиве внешней политики России и Российском госархиве древних актов сохранилось около 3-х тысяч подобных тюркоязычных эпистолярíй XVIII – начала XIX в., адресованных главным образом комендантам Кизлярской крепости феодалными владельцами, джааматами и простыми жителями Кабарды, Балкарии, Дагестана, Чечни и Ингушетии. Все они нуждаются в научном осмыслении и глубоком исследовании. Показательно в связи с этим, что, к примеру, письмо от 3 мая 1765 г. аксайских (аксаевских) владетелей Солтанбека Мухаммад-Уцмия (Магомедуцмиева) и Адиль-Гирея (Адилгирея), сына Алибека (Алибекова), кизлярскому коменданту Н.А.Потапову,

квалифицированное в составе 70-ти прочих из рассматриваемого фонда в сборнике документов «Русско-дагестанские отношения...» как перевод с арабского (л. 73 соответствующего дела), представлено в рецензируемой монографии (С. 299–300, 440) тюркоязычным подлинником (л. 74 того же дела). Сюда же следует присовокупить упоминание в отрывке из указа 1755 г. Астраханской губернской канцелярии кизлярскому коменданту И.Л.Фраундорфу письма князей «аксайского Каплана Ахметханова, костюковского Темира Хамзина, Брагунской деревни Куденета Боматова на их татарском диалекте» (с.88), что свидетельствует, по всей видимости, и о том, что последнее было написано на кумыкском языке.

Аналогичная картина наблюдается и в случае с обнаруженным в рассматриваемой монографии (С. 333–344) письмом 1782 г. – одним из двух от андийского «шамхана», старшин и всех членов джамаата кизлярскому коменданту А.М.Куроедову, которое, как явствует из приписки, было написано самим «шамханом» на арабском языке и переведено при отправке на тюркский. Последнее вполне справедливо объясняется Г.М.-Р. Оразаевым (С. 337) тем, что тюркский язык «был в ходу в качестве языка деловой переписки на Северо-Восточном Кавказе в XVIII в.», в том числе и в Анди.

Другое подтверждение этому – материалы фонда, в том числе и рассмотренное в монографии (С. 384–389) письмо 1783 г. от имени кизлярского коменданта И.С. Вишнякова эндиреевским владетеля Темиру, сыну Хамзы, Хаджи-Муртазали, сыну Чопана, Алисолтану, сыну Канболата, которые, как указывает ее автор (С. 389), «показывают, что из русского комендантства корреспонденции, адресованные на имя местных жителей, отправлялись на языке тюркском» (еще в конце XVIII в.). Именно тюркскому языку здесь и отдавали предпочтение, что и было, по всей видимости, учтено в Анди, который к тому же еще в 1770 г. был, по сообщению И.А. Гильденштедта, приводимому Г.М.-Р. Оразаевым (С. 339), владением кумыкских аксаевских князей. Неслучайно в этой связи указано, что на том же тюркí было написано и приведенное в данном труде (С. 187–191) прошение кизлярских тезиков («таджиков») 1750 г., адресованное командующему войсками в Кавказском крае А.П. Девицу, а также письмо 1772 г. от эндиреевского владетеля Темира, сына Хамзы, кадия Ахмада, старшин Шавлуха, Аджа и Хасболата на имя армянских купцов Гургена и Степана. Оно, как справедливо отмечает автор рецензируемой монографии (С. 12, 312), «свидетельствует о том, что тюркоязычная письменная традиция служила не только в переписке с русской администрацией, но и для удовлетворения внутрорегиональных письменных связей населения Северного Кавказа».

О функционировании в регионе тюркских языков-коммуникантов свидетельствует и упоминаемый в сборнике «Русско-дагестанские отношения...» (с.5) факт обнаружения перед началом Каспийского (1722 г.) похода Петра Великого манифеста на «татарском, турецком и персидском» языках, распространявшегося в Дагестане и Азербайджане. Следует отметить, что письма в рассматриваемом фонде, переведенные с персидского (1765, 1768 и 1722 гг.), представлены лишь тремя единицами и исходят, как и следовало ожидать, из

Дербента. Вместе с тем в отношении собственно Северо-Восточного Кавказа следует заметить, что в относящихся к данному региону трех эпистолярных 1750 и 1756 гг., проанализированных в рецензируемой монографии, «как ни казалось парадоксально, кумыкское влияние... особенно заметно», указывает ее автор (С. 93).

Обращает на себя внимание в рассматриваемой работе, в ее второй части, посвященной непосредственному анализу самих писем, факсимильно воспроизведенных и снабженных переводами Г.М.-Р. Оразаева и его комментариями, весьма квалифицированный характер последних как в историческом, так и в собственно лингвистическом отношении. Русскографичная транскрипция выявленных тюркских текстов, приведенная в приложении, делает их более доступными современным исследователям, что позволит подвергнуть их дальнейшей интерпретации. Упомянутый выше, в том числе исторический, аспект анализа обобщен и предпослан автором в первых главах части первой «Источниковедческая и лингвистическая характеристика тюркоязычных документов из архива Кизлярского коменданта», посвященных палеографическому рассмотрению и изучению в качестве исторического источника. При этом, что касается характеристики архитектуры проанализированных писем, данной в главе первой, то, как свидетельствует содержание сноски 1 на с. 47 рецензируемой монографии, подобный подход осуществляется впервые как в практике тюркологических исследований вообще, так и востоковедческих в Дагестане в частности.

Но особенно продуктивной, отражающей суть произведенного исследования и его основные идеи в историко-филологическом отношении является третья глава этой части «Документы фонда «Кизлярский комендант» как источник по истории развития тюркоязычной деловой письменности на Северном Кавказе». Здесь, говоря о таком почти не изученном феномене, как северокавказский тюркский – письменном («татарском») языке, функционировавшем в XVI – середине XIX в. в соответствующем регионе, Г.М.-Р.Оразаев устанавливает следующий немаловажный факт, что основу той разновидности, которая была известна, в частности, в Дагестане, Чечне и Ингушетии и восходила к золотоордынской (крымско- и казанско-татарской) традиции, составлял (старо)кумыкский язык, весьма большую близость к которому обнаруживают и тексты рассматриваемых им документов XVIII в. В XVII в. (возможно, и в XVI в.) на нем как деловом языке писали кумыки, чеченцы и кабардинцы, в XVIII–XIX вв. – как носители тюркских языков Северного Кавказа (кумыки, часть ногайцев, тухмены), так и носители некоторых иберийско-кавказских языков (андийцы, часть даргинцев, кайтагцы, чеченцы, ингуши и др.), а разговорная разновидность кумыкского языка, на наличие которой наряду с письменной указывали такие российские ученые начала XIX в., как Ю. Клапрот и Т.Н. Макаров, широко употреблялась в качестве локального (*Lingua franca*) языка межэтнического общения на Северо-Восточном Кавказе (в особенности в Дагестане и Чечне).

В собственно кумыкской традиции, как справедливо отмечает автор, «северокавказский тюркский» был в употреблении, в том числе и в эпистолярном

жанре, вплоть до начала XX в., в то время как в поэтическом творчестве последним из пользовавшихся им считается Абдурахман Какашуринский (ок. 1780–1841), относительно реже на нем создавались прозаические произведения (некоторые списки «Дербенд-наме» и др.). Значительный интерес для исследователей представляет то, что Г.М.-Р. Оразаевым установлена главная отличительная особенность текстов рассматриваемых документов: они «не нарушают принципов тюркской (кумыкской) грамматики, ее морфологии и синтаксической структуры» (С. 81), при том, что предпринятое в последующем изложении специальное рассмотрение русизмов и генетических европеизмов следует считать вполне оправданным, учитывая известный контекст их использования. К числу несомненных достижений автора рецензируемой монографии относится и более дробная градация разновидностей «северокавказского тюркí» – выделение его северного и южного подрегиона. Центры, школы первого из них располагались в самом Кизляре, и, по всей вероятности, в Эндирее (Андрейяул) и, возможно, в Аксае и Костеке, в котором еще в XVIII в. двое русских обучались «татарскому» языку (С. 85).

Логически вытекающими отсюда следует считать и такие тесно связанные между собой разделы монографии Г.М.-Р. Оразаева, как «Переводчики и толмачи Кизлярской комендантской канцелярии» и «Старые русские переводы тюркских документов» XVIII в. Последний, на наш взгляд, следовало бы присовокупить к данному изданию «как памятники русской провинциальной деловой письменности» (С. 106), исчерпывающий, в частности, контактологический анализ которых позволил бы, например, установить более полный, чем приведенный автором рецензируемого труда (С. 108), перечень отразившихся в них, например, терминов местного происхождения.

Несомненный интерес как для специалистов по кумыкскому языку, так и для тюркологов более широкого профиля представляют в числе заключительных разделов монографии такие из них, как «Значение материалов фонда «Кизлярский комендант» для изучения истории кумыкского языка» и «Северокавказский тюркí» в системе тюркских региональных письменных языков XVI–XIX вв.», которые в основном и подводят закономерные в данном случае итоги произведенного исследования. Знакомство с ним станет чрезвычайно полезным для широкого круга историков и филологов, прежде всего тюркологов, а также кавказоведов и славистов, для всех, кто интересуется историей языков и культуры народов Северного Кавказа и Дагестана.

Г.-Р.А.-К. Гусейнов